

УДК 82.94 + 94 (57) + 281.93
DOI 10.17223/19986645/37/12

С.В. Мельникова

ПРОСТРАНСТВО «ДУХОВНОГО ГЛАДА» И АПОСТОЛЬСКОГО ПОДВИГА: ОБРАЗ СИБИРИ В МЕМУАРАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА

Значимый для просвещенной части сибирского общества XVII–XIX вв. вопрос о самоопределении Сибири как особого географического и культурного пространства поднимается в статье в отношении представителей местного православного духовенства. Тема раскрывается на материале мемуаров и переписки духовенства, которые отражают, будучи источниками личного происхождения, индивидуальный опыт пребывания их авторов на территории Сибири и рефлексию по этому поводу.

Ключевые слова: образ Сибири, хронотоп, православное духовенство, мемуары, письма.

На всем протяжении своей истории в составе Российского государства Сибирь, хотя и являлась его частью юридически, фактически воспринималась как обособленное, отличное от остальной России пространство – в географическом (с четкой границей в виде «Камня», Уральских гор), культурном, ментальном и иных смыслах. «Край света», «царство вечного холода и мрака», «тюрьма без решеток» – такие определения создавали мифологему Сибири в массовом сознании. Показательно, что, даже отправляясь в Сибирь на должность генерал-губернатора, человек мог сказать: «Что я ни делал, чтобы избежать Сибири, и никак не избежал. Мысль сия, как ужасное ночное приведение, преследовала меня всегда <...> мне кажется, что я отправляюсь прямо на тот свет» – из письма М.М. Сперанского А.А. Столыпину [1. Ст. 454–455].

Ключевым для становления самосознания сибирской интеллигенции и для отражающей его областной литературы, как считает К.В. Анисимов, был «вопрос о целесообразности пребывания мыслящего, образованного человека на территории, давно закрепившей за собой репутацию «страны изгнания» [2. С. 180]. Данная идея представляется весьма продуктивной, так как различные варианты ответа на этот вопрос действительно могли формировать собственно сибирский биографический сюжет, разворачивающийся на фоне необычного и знакового пространства. Так, в литературе областников сюжет этот складывался на противопоставлении двух мотивов – бегства из Сибири, являющегося поведенческим стереотипом, и сознательного возвращения назад, воспринимаемого почти как подвиг [2. С. 172–198].

Значительный процент образованного населения края, особенно до Октябрьской революции, составляло духовенство. Для православных священно- и церковнослужителей проблема самоопределения в условиях сибирской действительности стояла, очевидно, не менее остро, чем для представителей других социальных групп. Тем более что большая часть сибирского духовенства, особенно из высших слоев церковной иерархии, были выходцами из

центральной или южной России и Украины¹, а значит, изначально воспринимали сибирское пространство как чужое для себя, требующее осознания и оценки с их стороны.

Вопрос об оценке духовенством Сибири, а также об определении им целей своего пребывания и церковного служения на ее территории может быть рассмотрен на материале мемуаров (воспоминаний, автобиографий, дневников, путевых журналов) и переписки сибирских священников и миссионеров. Мемуары особенно информативны в этом отношении потому, что, будучи источниками личного происхождения, они содержат невымышленные, отражающие индивидуальный жизненный опыт авторов рассказы о жизни в Сибири и, что особенно важно, авторскую рефлексию по этому поводу. Они помогают увидеть сибирское духовенство изнутри – в совокупности его социокультурных, конфессиональных и бытовых отношений и взаимосвязей.

Первые автобиографические сведения, касающиеся служения православного духовенства в Сибири, содержатся в датированных серединой XVII столетия челобитных тобольских митрополитов царям и их письмах другим высокопоставленным лицам. Документы этого типа, хранящиеся в архиве Сибирского приказа, Е.К. Ромодановская предлагает делить на две группы: «официальные челобитные о разных нуждах Софийского дома», которые писались «по строгому формуляру и, возможно, не самими архиереями, а их дьяками», и «индивидуальные», которые «несомненно сочинялись самим адресантом – диктовались им, а нередко и писались собственноручно» [3. С. 331]. Рассматривая личные письма сибирских владык, Нектария, Симеона и др., Ромодановская отмечает, что в них «в наибольшей степени находят отражение личные качества авторов – их характер, образованность, литературные пристрастия и умение владеть словом» [Там же]. В этих письмах отражены, иногда весьма подробно, и обстоятельства сибирского служения владык в их личном восприятии и интерпретации, что позволяет говорить о чертах мемуарного повествования в текстах.

Содержание челобитных самое разное, но тем более отчетливо проявляется одна объединяющая их черта: в переписке практически всех владык имеется челобитная, иногда не одна, со слезной мольбой о возвращении из Сибири.

«Прошу у тебя со слезами, побей челом великому государю, благоверному царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа России, чтоб меня государь пожаловал в келью ис Сибири на мое обещание, на мое душевное рождение и на мое душевное спасение...» [4. С. 280], – молит третий архиепископ Сибирский и Тобольский Нектарий (1636–1640) о своем возвращении в Нилово-Столбенскую пустынь, игуменом которой он был до назначения в Сибирь и которую ему «запретил... до смерти» покидать его старец Герман. Адресат послания точно неизвестен, но, как предполагает Е.К. Ромодановская, исходя из самого текста документа, это был «тот же самый человек», который «способствовал назначению Нектария на тобольскую кафедру» [4.

¹ Например, из 17 иркутских владык от основания самостоятельной епархии в 1721 г. до начала XX в. сибиряком по происхождению был только один – Михаил (Матвей Бурдуков). Он родился в Тобольске в 1770 г., окончил Тобольскую семинарию и стал ее наставником. Скончался преосв. Михаил в 1830 г. и погребен в Иркутске, в усыпальнице Богоявленского кафедрального собора.

С. 391]. Обращаясь к нему, архиепископ пишет: «Ты погубил, ты умертвил – ты взыщи, ты оживи душу мою окаянную, в конец погибшую» [4. С. 280]. Оценка своего пребывания в Сибири, данная Нектарием в этой фразе, однозначна – духовная смерть, и дело здесь, очевидно, не только в нарушении воли старца об оставлении Ниловой пустыни.

Преемник Нектария на Тобольской кафедре, архиепископ Герасим (1640–1650), просясь вон из Сибири в челобитной царю Михаилу Федоровичу, дает весьма нелестную характеристику самому краю: «Земля, государь, дальняя, а люди, государь, своеобычные, тяжкосердии все, ссыльные. Стражу, государь, от них, аки овца среди волков <...> Вели, государь, меня, нищего, из Сибири освободить и на обещание мое в Чюдов монастырь в келью отпустить» [4. С. 286]. Но, оценивая объективность Герасима, следует учитывать, что тобольские жители писали аналогичные челобитные на него самого, обвиняя архиерея в неуживчивом характере и жестокости, а приехавших вместе с ним многочисленных родственников в неумном стремлении к наживе [4. С. 394]. Не случайно просьба Герасима о его возвращении в Россию, в отличие от просьбы Нектария, не была удовлетворена, и архиепископ умер в Тобольске.

Архиепископ Симеон (1651–1664) в челобитной патриарху Никону с жалобой на тобольского воеводу А.И. Буйносова-Ростовского также просит «пожаловать» его «быть к Москве»: «...в таком гонении в Тоболску быть отнюдь невозможно. Пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, мне быть к Москве, чтоб мне, богомолцу твоему, и Софейскому дому в конец не разоритца» [4. С. 316]. Как известно, Симеон самовольно приезжает в Москву, о чем пишет оправдательную челобитную царю. Основной причиной для того, чтобы покинуть Сибирь и искать царской милости и защиты в Москве, становится конфликт владыки, известного своим неуживчивым характером, со светской властью: «А твои государевы воеводы ни в чем со мною, богомолцем твоим, не спрашиваются и не советуют ни о каких градских делах, как оне хотят, так и живут. И как твою государеву далнюю отчину хотят, так и строят по своей воле» [4. С. 321].

Ситуация мало изменяется и в начале следующего, XVIII столетия, о чем свидетельствует челобитная митрополита Филофея Лещинского, в которой он подводит итог своего двадцатипятилетнего служения в Сибири. Украинец по происхождению, Филофей прибыл на Тобольскую кафедру из Киево-Печерской лавры и возглавлял ее с 1702 по 1711 г., а также с 1715 по 1720 г. Лещинский оставил яркий след в истории края. Он окрестил несколько десятков тысяч инородцев и воздвигнул около 40 церквей. Митрополит Филофей объехал практически всю территорию своей огромной епархии, побывав даже в Якутии, что по тем временам было настоящим подвигом. Но даже у исполненного подвижнического духа митрополита Филофея единственным желанием после многолетнего и многотрудного служения в Сибири было покинуть ее навсегда. Об этом свидетельствует письмо от 25 декабря 1727 г., написанное им незадолго до смерти, в котором Филофей, уже бывший митрополит Тобольский, умоляет Феофана Прокоповича, архиепископа Великого Новгорода, позволить ему выехать из Тобольска в Киево-Печерскую лавру: «Двадцать пятое зачинаю жити в Сибири лето и не нажили себе добро-го ничего ни в душевном, ни в телесном. И власне до моего смирения проро-

ческое служит слово: сыне человек! посреде скорпий ты живещи. То в телесном. А что до душевного, то и близ не бывало, занеже место и нрав украшает, яко же человека в старци. Лета минают, смерть за плечима, а где грешник явится, когда праведный едва спасется. О бедной душе попечение имею и на обещание замышляю, но к кому припасти, дабы мя выдвигнул из Сибири, не знаю <...> Что во мне, уже старцу, и на Сибири? Нездужаю ездить и до иноземцев крестить; а крещенных благодатию Божиею премногое множество, было бы только кому пасти и охранять. И тое требует человека, которому надобно не скудну быти, а хотя бы и свой им был епископ, чтоб сидячи не брал по тысячи, как преосв. епископ в Китайское царство посланный, через пять лет и единого чи окрестил, не знаю. А я бедняк многи с крещением прошел народы, а хлеба ошонка не получил за труды» [5. С. 545–547].

Определяющим мотивом в восприятии митрополитом Филофеем Сибири становится мотив пустоты – духовной, пространственной, материальной: «...не нажилим себе доброго ничего ни в душевном, ни в телесном». Хотя свою миссию – «иноземцев крестить» – он считает во многом выполненной, на продолжение ее не имеет сил. Филофей смиренно просится вон из Сибири, как будто умоляет вернуть его из ссылки. Но ему так и не удастся умереть на родине.

В дальнейшем восприятие в духовной среде назначения в Сибирь как ссылки будет только усугубляться. Так, в письме к обер-прокурору Синода графу Победоносцеву, написанному почти два века спустя после письма Филофея, преосвящ. Вениамин, архиепископ Иркутский и Нерчинский выскажется более чем определенно по этому поводу: «...доселе в Сибирь назначались на архиерейские кафедры и на семинарскую службу люди, или менее способные, или чем-нибудь заслужившие неблаговоление начальства. Так, мой предместник Преосвященный Парфений, когда ехал в Сибирь на кафедру епархиального архиерея, всем открыто говорил, что предпочел бы быть в Казани викарием, чем в Сибири епархиальным архиереем. Его предместник Преосвященный Евсевий плакал, оставляя Самару для Иркутска. И я сам с великой скорбью принял назначение из ординарных профессоров Академии в ректора Томской семинарии. Все мы, и я, и предместники мои, попали в Сибирь по неблаговолению <...>

Объехавши в прошлом году почти всю Россию, я везде находил, что Преосвященные имеют гораздо лучшие средства, чем в Сибири, даже без отношения к дороговизне содержания в Восточной Сибири. Почему-то принято считать, что дороже всего содержание в столице, но я, проживши 8 месяцев в Петербурге, нашел, что там жить вдвое дешевле, чем в Иркутске. Если сибирские преосвященные не вопиют о своих нуждах, то потому, что живут надеждою на перемещение из Сибири во внутреннюю Россию <...>

Между тем здесь-то и необходимо, чтобы преосвященные служили возможно дольше на одном месте, потому что, чтобы с пользою управлять Сибирскою епархией, нужно немало времени на изучение особенностей здешнего края. К климату Сибири можно привыкнуть, но не все могут привыкнуть к стеснительному положению в материальном отношении и еще более к спокойному отношению к мысли, что попал в число стоящих под неблаговолением или «каких-нибудь» в мнении начальства. Мне самому приходилось

слышать в Петербурге: «лучшие люди нужны во внутренней России, особенно в западном крае, а в Сибири могут служить какие-нибудь» <...> Таким образом, само начальство дает понимать, что оно в Сибирь посылает на службу поневоле, как бы в наказание» [6. С. 109–111].

Назначение в Сибирь воспринималось не просто как «неудобство» по службе, но как испытание, грозящее смертельной опасностью. Полной уверенности в возвращении, особенно из дальних, наиболее суровых областей, не было: «В ноябре сего года отправляюсь я в Колыму, чуть не к Берингову проливу, и могу воротиться никак не ранее половины мая <...> Помолитесь обо мне перед святыми угодниками московскими, чтобы их молитвами и заступлением Господь помог мне благополучно совершить предлежащий мне трудный путь, монаху нечего терять: если доведется и умереть на деле проповеди – и это вменится в жертву Богу. Об одном прошу Бога, чтобы Он послал мне христианскую кончину, не постыдну и мирну», – писал Якутский епископ Дионисий (Хитров) [7. С. 97]. Любопытно, что когда Хитрова еще молодым священником «распределяют» в Сибирь, то он так напуган этим, что пробует откупиться, но безуспешно, так как «...в указе Св. Синода сказано: «не требовать от избираемых собственного на то согласия и не принимать от них никаких отзывов» [8. № 4. С. 105]. Впоследствии Дионисий станет выдающимся миссионером, сподвижником святителя Иннокентия (Вениаминова) и первым епископом Якутским (1870 г.).

Выходцев из Европейской России Сибирь зачастую не удовлетворяла и с собственно эстетической точки зрения, поражая скудностью пейзажей и убожеством городов, а также общим низким уровнем культуры – и материальной, и духовной. Так, весьма нелестную характеристику сибирским городам, встречавшимся на его пути из Вятки, дает в своих путевых записках молодой Нил (Исакович), следующий в 1838 г. в Иркутск, чтобы занять там епископскую кафедру. Исакович – уроженец Могилева, долго живший в самом центре России, и Сибирь для него дикое и чужое пространство. Особенно остро он ощущает эту чуждость, когда только пересекает границу края. Приведем некоторые из данных им характеристик расположенных по Московскому тракту городов:

«О Тобольском обществе не знаю, что сказать, ибо мне не пришлось видеть его и даже слышать о нем. Но, кажется, что оно не славно ни по количеству, ни по качеству своему. Сословие, нарицаемое дворянским, тут не зарождалось; купечество убито неблагоприятными обстоятельствами, в том числе и удалением генерал-губернатора и всего штаба в Омск; класс чиновничий, как и везде, горемыкается; прочие же сословия думают лишь о насущном. Такова-то старая столица Сибири!» [9. С. 26]

«Но, увы! При первом взгляде на Омск утешительные надежды и все чаяния исчезают. Это второй Иерихон; вокруг него не видно ни дерева, ни травы, а только терние и волчцы прозябают. При въезде, прежде всего, кидается в глаза городской сад. Но что это за сад? Тут нет дерева, которое не было бы искривлено, изуродовано <...> Площадь городская есть обширное поле, обставленное деревянными некрашеными домишками. И на этой единственной площади дано место <...> как бы вы думали – чему? Татарской мечети! А церковь задвинута Бог весть куда» [9. С. 33].

«...Город Колыван хуже порядочного русского села <...> По мнению моему, городам таким сто раз лучше не быть, дабы проезжие, особенно иностранцы, не имели повода вносить их в путевые свои журналы и распространяться в описании ничтожества их» [9. С. 41].

И только Иркутская губерния и сам город Иркутск – место его назначения – получают относительно положительную оценку: «Дорога усеяна, можно сказать, селениями, и притом так устроенными и расположенными, что даже в лучшей из российских губерний поставили бы их в первый разряд» [9. С. 54]. «Вся площадь и весь берег от ворот городских до сада покрыты были народом. И это многолюдство оправдало предо мной то мнение сибиряков, что Иркутск есть столица Сибири» [9. С. 64].

Однако Нил не только критикует Сибирь, как могло показаться на основании приведенных выше цитат, но говорит о необходимости деятельного преобразования ее пространства, которое не нарушило бы его природной самобытности, но способствовало бы благу живущих на нем народов. С одной стороны, в первозданной природной простоте приленских народов архиепископ видит благо: «...до обитателей здешнего края перстом не коснулась европейская техника и ее спутница – роскошь. Желания, труд, заботы определяются здесь условиями первой необходимости <...> природа наделяет человека душевным спокойствием и довольством, которые редко достаются на долю утонченной цивилизации» [9. С. 139]. С другой стороны, его возмущает контраст между природными богатствами Сибири и необустроенностью и безлюдностью ее земель. Например, о реке Обь он пишет: «Любуясь зрелищем реки, спрашивал я себя: что если бы такое богатство вод протекало через южную нашу Россию, где часто на пространстве десятков верст не встретишь даже ручейка, между тем как жизнь и деятельность кипит повсюду? <...> Обь не имеет на берегах своих ни одного городка. Даже деревень людных мало, и те нестройны, убоги, унылы. Отчего это? Знать, пора для развития жизни обской не пришла еще. Но, думаю, что она близка, ибо человечество и цивилизация скорыми шагами идут вперед» [9. С. 43]. Противопоставление природы и цивилизации приводит Нила к печальному выводу о том, что хотя природа сибирская – «великан», но «сам человек, витающий здесь среди терния и волчцев, носит образ тени, готовый явиться к Харону не сегодня, так завтра» [9. С. 288]. И дело Церкви – спасение этих народов.

Острое ощущение удаленности и обособленности Сибири, представление о себе как о ссыльном, испытывавшем «неблаговоление» начальства, скудность содержания, тяжелый климат, серость сибирских городов, фактическое отсутствие образованных людей – все эти негативные оценки, безусловно, имеют место в воспоминаниях и автобиографиях духовенства и остаются фактически неизменными и в XVII, и в XIX в.

Но рядом с критикой сибирского пространства в сочинениях духовенства, как правило, обнаруживаются и позитивные моменты. Например, почти обязательный для сочинений миссионеров мотив сложностей и трудностей пути уравнивается не менее частым выражением восторга от созерцания величественной сибирской природы. «...Неудобства дороги вполне искупались прелестью тех картин, которые представляла нам окружающая нас местность в своей грандиозной, вечной красоте. В лесу стояла торжественная тишина,

полная чарующей таинственности. Вековые сосны и ветвистые березы, покрытые инеем, искрились и сверкали, самыми разноцветными огнями, точно обвитые серебряными кружевами и осыпанные алмазами. Тени, бросаемые от деревьев, причудливо ложились на снег. Величественные пихты, согнувшись в дугу, под напором снега, создавали громадные арки. А дальше за этим лесом, словно <...> алтари, белели горы...», – пишет в путевом журнале алтайский миссионер С. Ивановский [10. № 11. С. 18].

Однако главное в том, что, несмотря на все inferнальные ощущения, сибирские священники и миссионеры разрабатывают *программу не просто выживания в Сибири, но продуктивного духовного служения в ней*. Эта программа находит отражение во многих мемуарных источниках, в которых прочитывается мифологема Сибири не только как пространства смерти и холода, но как пространства духовной инициации, апостольского подвига и возрождения.

Подобная многозначность сибирского хронотопа была заложена уже в одном из первых описаний Сибири в древнерусской литературе – Житии протопopa Аввакума. М.К. Азадовский в статье с красноречивым названием «Поэтика «гиблого места» писал о том, что хотя протопop признает богатство и величие сибирской природы (вспомним, например, описание озера Байкал. – С.М.), однако эта природа не пленяет автора, так как она «не только фон, на котором протекают его тяжелые испытания, но неотделимый элемент последних и их орудие» [11. С. 163]. В.И. Тюпа в мытарствах протопopa видит «христологическую инициацию», таким образом, пространство Сибири наделяется инициационными функциями [12. С. 29]. Обобщая многочисленные наблюдения над текстом Жития, Е.Ф. Гудкова указывает на то, что можно выделять даже не две, а три и более «хронотопных плоскости», в которых у Аввакума раскрывается образ Сибири: «Во-первых, как место ссылки, гиблое место (социально-географическое пространство); во-вторых, инициальное пространство и, в-третьих, крестный путь, божий промысел» [13]. Очевидно, таковых «плоскостей» может быть и больше.

Образ inferнально-инициационного пространства Сибири остается актуальным и в последующие столетия, в частности, он находит воплощение в таком ярком мемуарном сочинении середины XIX столетия, как «Автобиография монаха Парфения (Агеева)» [14]. Инок Парфений был широко известен в свое время как автор многотомного «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле». «Автобиография» – прямое продолжение «Сказания».

Петр Агеев родился в раскольниковей семье и почти до 30-летнего возраста пребывал в расколе, но затем перешел в православную веру и принял постриг на Афоне. Афон стал для инока воплощением рая на земле. Однако старец, которому он передал свою волю, наложил на Парфения обет покинуть Афон и отправиться в бессрочное странствие в далекую и пугающую Сибирь. Парфений был потрясен и буквально раздавлен таким приказанием, тем более что старец никак не пояснил его смысла: «Я спросил, что я тамо буду делать? Он же сказал: тамо тебе Бог дело покажет» [14. С. 137]. После смерти старца Парфений даже просил патриарха разрешить его от исполне-

ния этой воли, однако получил отказ. Именно эта история описывается Достоевским в «Братьях Карамазовых».

Сибирь в определении Парфения – это страна духовного голода: «...сия страна Сибирская великая и пространная, но голодная; но не голод хлеба и воды, ибо этим преизобильно, но голод неслышания Божия, ибо во всей Сибири нет ни одного общежительного монастыря, куда мог бы прибегать голодный народ и насытиться словом Божиим и Благочестием; а церкви здесь очень редки, на 100 верст одна, а то еще и того нет; а служба в церквях бывает только в самые великие праздники, но и то не всегда; приходы очень обширные, а священников мало» [14. С. 152].

Описание Сибири строится на антитезе ее Святой горе Афон. Афон – это рай на земле, сакральный центр, куда инок стремится всей душой: «...мы пришли не в Афонскую Гору и не к земным человекам, но верно мы пришли в горный Иерусалим, в райские чертоги, к самой Царице Небесной и к самим Небесным Ангелам» [15. С. 59]. Если Афон – это рай, то Сибирь – ад: «Ох, значителен для меня Томск; это был для меня котел, в котором семь лет Господь меня вываривал; с одной стороны, поливал меня кипятком, серою, смолою и огнем, а с другой – Господь изливал на меня масло и розовую воду, и всякое утешение, и всякие свои милости; наконец, вышел вполне увенчанным; посрамилися все враги мои, видимые и невидимые» [14. С. 121]. Сибирь – адский котел, однако и в нем у Парфения нет ощущения богооставленности, поскольку это и место испытания (ведь «вываривает» его в этом котле не дьявол, но сам Бог), и место духовной брани, из которой Парфений, как он надеется, должен выйти победителем.

В Томске Парфений терпит многие лишения. Как бы следуя логике и воле самого пространства тюрьмы и ссылки, приехав в край свободным, инок сразу же становится узником. Еще по дороге его, по подозрению в том, что он беглый поп раскольнический, ловят, заковывают и сажают в острог. Однако Парфений, подобно протопопу Аввакуму, воспринимает выпавшее ему страдание как благо: «Первые три дня я ничего не мог делать: ни пить, ни есть <...> Но потом Господь утешил меня, так что я радовался и благодарил Господа Бога, что привел быть узником без вины...» [14. С. 89]. В остроге Парфений усердно молится, размышляет, беседует с постоянно сменяющимися арестантами: «... до днесь помню ту блаженную жизнь: вот было училище благочестия и академия всех премудрых наук <...> вот где любопытная картина, раскрывающая судьбы человеческие, что воистину все мятется человек» [14. С. 90].

Парфений претендует на избранность. Еще будучи на Афоне, в Рождественский пост он видит сон, в котором ему указывают на 95-й псалом: «Когда же я прочитал сей псалом, то исполнилось сердце мое неизреченною радостью; как бы Господь Сам лично объявил свою Святую волю и раскрыл <...> зачем Он меня посылает в Россию? Только помышляя себе: «Господи! Каким же образом могу я возвестить в языках славу Твою и во всех людях чудеса Твоя; я человек неученый, невежда <...> но Тебе, Господу Богу, все возможно. Буди Твоя святая воля надо мной» [14. С. 116]. Парфений истолковывает цель своего пребывания в Сибири как проповедь «во всех языках...», т.е. собственно апостольскую миссию.

Однако понятое таким образом предназначение остается неосуществленным. Вопрос, зачем старец послал его в Сибирь, так и не разрешается для Парфения, несмотря на то, что именно в Сибири он приступает к написанию мемуаров, которые сделают его знаменитым на всю Россию. Доминирующие мотивы в описании сибирского периода – мотивы людской хулы, тоски, безвременья, драмы одинокого существования и неосуществленного предназначения.

Вопросом о мотивах и целях своего пребывания в Сибири задается и такой известный миссионер XIX столетия, как Андрей Аргентов. «Не могу дать себе отчета, почему именно понравился мне Нижнеколымск и из-за чего предпочел я его другим местам, пожелав туда на службу. Между прочим, может быть меня заинтересовал: переезд к антиподам моей родины, солнце глубокого Севера, то не заходимое, то не восходимое, величественное сияние арктических небес, чудные там пурги и мрак, дивные пирамиды нетающего льда и снега, пролежавшие целые века по захолустьям тундры <...> Быть может, меня подстрекало и самолюбие, неопытность с безрассудством. Последнее как-то ближе к делу <...> еще скажу, что я тогда считал весь Божий мир себе сокровищем. Я думал, на край-свете должно быть так же хорошо для доброго человека, как и везде, а между тем небо, следовательно, и многое небесное, оттуда ближе» [16. С. 4].

Приведенный отрывок чрезвычайно интересен: это не описание сибирской природы, как может показаться на первый взгляд, но раскрытие семантической структуры сибирского хронотопа. Сибирь – иное пространство, более того, пространство-антипод (Аргентов был родом из Нижнего Новгорода, самого сердца России), мифический край-свет, «тридевятое царство», куда герой отправляется за испытанием и перерождением. Задано пространство, несмотря на всю свою обширность, не столько горизонталью, сколько вертикалью. Это, прежде всего, небо и удивительное, то незаходимое, то невосходимое солнце. Это белое безмолвие – суровое, холодное и чистое, в котором фактически нет земли, но есть нетающие, и опять-таки устремленные ввысь, пирамиды из льда и снега. Такое пространство может очистить и возвысить человека, непрерывно испытывая его и заставляя страдать, тем самым приближая его к небу. Но с другой стороны, в отрывке чувствуется и самоирония: по прошествии лет автор понимает, что воспринимать Сибирь подобным образом заставляли «неопытность с безрассудством».

Служение в Сибири православные миссионеры и священники трактовали как особый о них Божий Промысел. «Божий промысел, призвавший меня на чреду служения, указал мне поприще деятельности в дальних окраинах обширного отечества нашего», – писал архиепископ Нил (Исакович) [9. С. 1], как бы вопреки своим же критическим характеристикам удаленного от центра и нецивилизованного края. «Я всегда благодарил и благодарю Бога, что, хотя против воли попал на службу в Сибирь, и дай Бог, чтобы до гроба не изменилась моя привязанность к ней...» [6. С. 109–111] – такие слова рядом с определением сибирской службы как ссылки мы находим в цитировавшемся выше письме Вениамина Победоносцеву.

Высший смысл и цель этого Промысла заключалась в просвещении далеких северных земель и населяющих их народов Евангельским Словом, в апо-

стольском подвиге созидания и укрепления Православной церкви в Сибири. С деяниями апостолов сопоставимы самые первые оригинальные церковные сибирские тексты. По утверждению О.Д. Журавель, с ними, например, может быть соотнесено «Житие Симеона Верхотурского», содержащее рассказ о просвещении Сибири и открытии в ней собственных святынь автором жития – тобольским митрополитом Игнатием (Римским-Корсаковым). «Сюжет обретения мощей и выяснения имени и личности чудотворца разрабатывается в связи с темой христианского просвещения Сибири. Важнейшая роль при этом отводится самому митрополиту, – описание его миссионерской деятельности вызывает ассоциации с апостольским шествием» [17. С. 379], [18. С. 79–91].

Подобная оценка деятельности православных миссионеров будет характерна и для последующих поколений сибирского духовенства. Апостолом Сибири и Аляски называли святителя Иннокентия (Вениаминова), апостольские черты видели и в другом знаменитом миссионере – архимандрите Макарии (Глухарева), основателе Алтайской духовной миссии. «Если сколько-либо продолжительное время читать их (алтайских миссионеров, прежде всего самого Макария и его сподвижников. – С.М.) творения (особенно своеручные путевые дневники и переводы) или тщательно читать труды их деесписателей, то вдруг совершенно по-иному начинает восприниматься, можно сказать, просто оживает для читающего и сама книга Деяний Святых Апостолов, в которой алтайские миссионеры вслед за первоапостолом Алтая – отцом Макарием Глухаревым – всегда созерцали «подобный небесам образ Церкви Христовой», – пишет протоиерей Борис Пивоваров [19. С. 20–23].

Миссионерское *апостольское служение и было искомым духовным вариантом позитивного деятельного выживания в Сибири*, направленного на преобразование окружающего пространства и собственное возрождение через испытания и лишения. По своей сущности оно сопоставимо с программами такого выживания, предлагаемыми представителями светской культуры – декабристами или областниками.

Примером последовательного раскрытия этой жизненной стратегии в автобиографическом повествовании может служить «Автобиография высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского» [20]. Небольшая по объему, всего 50 печатных страниц, автобиография архиепископа Вениамина поражает своей целостностью и продуманностью авторской концепции судьбы, которая вся мыслится как осуществление еще в детстве понятого и принятого предназначения, как отражение постоянного и неусыпного руководства свыше, Промысла Божьего в человеческой судьбе. Помимо мотивов личной избранности и осуществленного предназначения в иноческом подвиге, сюжетообразующим в этом сочинении становится мотив апостольского служения на окраинах империи.

Выше мы приводили обширную цитату из переписки архиепископа Вениамина, в которой он говорил об исключительно негативном отношении духовенства к службе в Сибири. Однако следует признать, что эта цитата была вырвана из контекста. И мы намеренно не упомянули о том, что сам Благоврахов не считал такую ситуацию нормальной. Именно Сибирь для Вениамина, уроженца Тамбовской губернии, стала основным местом духовного

служения. В 1858 г. выпускник Казанской академии, Вениамин был назначен ректором вновь открытой Томской семинарии и настоятелем одного из местных монастырей. Но уже в 1862 г. архим. Вениамин был хиротонисан в епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии и поставлен начальником Забайкальской духовной миссии. 31 марта 1873 г. преосв. Вениамина возвели в сан епископа Иркутского. 16 апреля 1878 г. – в сан архиепископа. Иркутским владыкой он оставался вплоть до своей смерти, в 1892 г. Похоронен он был в Иркутске же, в строящемся кафедральном соборе.

«Преосвященнейший Владыко!

Приводилось ли вам совершать свое путешествие среди мрака темной ночи, сбившись с дороги, без путеводителя? <...>

Посреди мрака подобной ночи, только не физической, а что страшнее, – духовной, среди подобных опасностей сени смертной ходят те люди, к которым отселе посылает Вас Господь, воззавший вас на высокую степень апостольского святительства <...> Вас первого посылает Господь, в высоком сане святительства, с дарами апостольского служения, в эту безотрадную страну тьмы и сени смертной» – такое напутствие дает Вениамину, новопоставленному епископу Селенгинскому, высокопреосв. Парфений, архиепископ Иркутский и Нерчинский [21. С. 1–2, 4].

Сам Вениамин в своей миссии среди язычников и будущем архиерейском служении также видит высокий смысл и склонен осмыслять их как духовный подвиг, о чем свидетельствует, например, тревожный и мистический сон, который будущий епископ видит перед своим прибытием в Иркутск. «После обеда заснул я и вижу во сне, будто еду я льдом по Байкалу на место своего служения; вдруг навстречу мне выходит страшный черный зверь и старается не дать мне ехать дальше. Сердце мое чувствует, что это сатана не дает мне ехать дальше. Я стал смотреть по сторонам, как бы мне миновать его, но вижу на противоположном берегу Байкала, куда мне следовало ехать, множество бесов грозит мне и не хотят пустить меня. Я подумал, что я сегодня молился и причастился Святых Тайн, чего же мне бояться, если они и растерзают меня, с этою мыслью я решил ехать напролом и вдруг и черный зверь, и бесы исчезли все» [20. С. 44]. Вениамин – рыцарь веры, отправляющийся на борьбу с дьяволом и защищенный только Святым причастием и сознанием праведности своего дела. Дьявол же укоренился в непросвещенных местных народах, и задача Вениамина – их спасение.

Но, что особенно важно, для Вениамина Сибирь – это все-таки страна не тотального «духовного голода», как для Парфения, напротив, она обладает собственной сакральностью. «Иркутск мне больше всего нравится святынями. Пр. Парфений полуоткрыл мощи св. Софония, над которыми теперь постоянно совершаются панихиды, сверх того сделал окно к мощам преосв. Михаила и Вениамина...» [22. С. 115]. Стержневым для автобиографического сюжета становится мотив обретения преосв. Вениамином небесного покровителя в образе сибирского святого – святителя Иннокентия (Кульчицкого), первого иркутского епископа. Святитель становится проводником преосв. Вениамина в Сибири и его небесным покровителем. Сибирь не только сакральна, но и поддается дальнейшей сакрализации, что и делает принципи-

ально возможным в ней апостольский подвиг, который избирает для себя архиепископ Вениамин.

Попадая в Сибирь или оставаясь в ней в большинстве случаев не по своей воле, священники, как и другие жители края, видели в ее образе inferнальные и тюремные черты. Но они были способны подняться до осмысления Сибири в духовной проекции и воспринимать свое служение в ней как особое духовное предназначение и Промысел Божий. О поиске этого предназначения и своего места в неоднозначном сибирском пространстве и повествует большинство мемуаров местного духовенства, написанных с начала христианизации края и до прихода коммунистов. Октябрьская революция существенно изменила семантику сибирского пространства и судьбу сибиряка. В высшей степени это сказалось на судьбе духовенства, чей апостольский подвиг сменился мученическим. Все эти трагические изменения, безусловно, нашли отражение в воспоминаниях, дневниках и записках духовенства, что, однако, составляет уже предмет отдельного, весьма непростого разговора.

Литература

1. *Письма* М.М. Сперанского к А.А. Столыпину // Русский Архив. 1871. Вып. 3. Стб. 431–484.
2. *Анисимов К.В.* Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
3. *Ромодановская Е.К.* Эпистолярное наследие сибирских архиереев XVII века // Ромодановская Е.К. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. 391 с.
4. *Литературные памятники* Тобольского архиерейского дома XVII века / подгот. текстов и коммент. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. Новосибирск, 2001. 439 с. (История Сибири. Первоисточники; вып. 10).
5. *Письмо* бывшего тобольского митрополита Филофея Лещинского (в схимонахах Федора) к Феофану Прокоповичу с просьбой о позволении выехать из Сибири на обещание в Киево-Печерскую Лавру / Филофей (Р.Б. Лещинский) // Киевские епархиальные ведомости. 1877. № 20. С. 545–547.
6. *Переписка* Высокопреосвященнейшего Вениамина, архиепископа Иркутского с Обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым / Вениамин (В.А. Благонравов). Иркутск: Иркутское братство во имя святителя Иннокентия, 1916. 170 с.
7. *Выписка* из первого письма Дионисия от 6 сентября 1868 г. из Якутска // Невоструев К. Нечто об архипастырском путешествии преосвященного Дионисия, епископа Якутского из Якутска в Нижнеколымск в 1868–1869 гг. // Душеполезное чтение. 1872. Ч. 3. С. 93–100.
8. *Автобиографические записки* преосв. Дионисия, епископа Уфимского и Мензелинского / Дионисий (Д.В. Хитров) // Уфимские епархиальные ведомости. 1900. № 4. С. 95–105; № 5. С. 140–149; № 6. С. 176–183; № 7. С. 218–226 (О Сибири; № 5–7).
9. *Нил (Исакович), архиеп.* Путевые записки преосвященного архиепископа Нила / Нил (Н.Ф. Исакович). Ярославль, 1874. Ч. 1–2. 497 с.
10. *Записки* миссионера Алтайской духовной миссии, Кебезенского отделения, священника Сергея Ивановского за 1889 год / С. Ивановский // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 11. С. 16–28; № 12. С. 1–16.
11. *Азадовский М.К.* Поэтика «гиблого места»: (из истории сибирского пейзажа в русской литературе) // Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947. 203 с.
12. *Тюна В.И.* Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
13. *Гудкова Е.Ф.* Хронотоп Сибири в русской классической литературе XVII–XIX вв. [Электронный ресурс]. <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>. (дата обращения: 10.03.2014).

14. *Инок Парфений (Агеев)*. Автобиография монаха Парфения (бывшего в Молдавии раскольника, затем постриженника русского Пантелеймонова монастыря на Афоне) / Парфений (П. Агеев). М.: Индрик, 2009. 256 с.
15. *Инок Парфений (Агеев)*. Странствия по Афону и Святой Земле / Парфений (П. Агеев). М.: Индрик, 2008. 272 с.
16. *Путевые записки священника миссионера А. Аргентова в приполярной местности* / А.И. Аргентов // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Исследования и материалы. СПб., 1857. Кн. 4, отд. 1. С. 1–59.
17. *Житие Симеона Верхотурского*. Ранняя редакция / публ. О.Д. Журавель // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 196–232, 377–386 (комментарий).
18. *Журавель О.Д.* Житие Симеона Верхотурского (к изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова) // Источники по русской истории и литературе: средневековые и новое время. Новосибирск, 2000. С. 73–93.
19. *Пивоваров Борис, прот.* История миссионерской деятельности Русской Православной Церкви и современность // Миссионерское обозрение. 1997. № 1(15). С. 20–23.
20. *Автобиография* высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского / Вениамин (В.А. Благодравов). Иркутск: Иркут. центр. Братство, 1913. 51 с.
21. *Труды православных миссий Восточной Сибири* / Изд. Иркут. комитета православного миссионерского общества. Т. 1. (1862–1867). Иркутск, 1883. 560 с.
22. *Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.)* / предисл. и примеч. К.В. Харламповича / Вениамин (В.А. Благодравов). М.: Изд. Имп. общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913. 247 с.

THE SPACE OF “SPIRITUAL HUNGER” AND OF APOSTOLIC HEROIC DEED: IMAGE OF SIBERIA IN MEMOIRS OF PRE-REVOLUTIONARY ORTHODOX CLERGY.

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY, 2015, 5(37), pp. 157–171.

DOI: 10.17223/19986645/37/12

Melnikova Sofya V., Irkutsk Regional State Universal Scientific Library n. a. I.I. Molchanov-Sibirsky (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: memuaristika@yandex.ru

Keywords: image of Siberia, chronotope, intellectuals, orthodox clergy, memoirs, letters

A significant issue for the Siberian intellectuals of the 18th and 19th centuries of their self-determination in relation to Siberia as a special geographical and cultural space is discussed concerning representatives of local orthodox clergy. The topic reveals on the material of memoirs and correspondence of clergy which, being sources of a personal origin, reflect their authors' individual experience of staying in the territory of Siberia and their reflection about it.

The attitude of clergy to Siberia is analyzed through three centuries: from petitions of the Tobolsk metropolitans of the 17th – early 18th centuries (Nectarios, Symeon, Herman, Philotheus) to memoirs and letters of the end of the 19th century. The emphasis is made on compositions of the 19th century: the author addresses to the traveling notes of Irkutsk archbishop Nil (Isakovich) and missionary Andrey Argentov, autobiographies of Irkutsk archbishop Veniamin (Blagoravov) and Yakut bishop Dionysius (Khitrov), and to the autobiography of monk Parfeniy (Ageev), a spiritual writer well-known in his time.

Despite the genre and thematic diversity of sources and broad chronology, the works show some general tendencies which are the main subject of the article.

Practically all the authors perceive their stays in Siberia as exile and punishment and express desire to leave it forever. The main evaluation of the Siberian space and stay in it in the compositions of the clergy remains almost invariable throughout all pre-revolutionary Siberian church history, it is a keen feeling of remoteness and isolation of Siberia, perception of oneself as of an exile who fell out of favor with the administration, severe climate, poverty of Siberian cities, actual absence of educated people, etc. Motives of emptiness (material and spiritual), dangers, unrealized mission prevail. All this allows to define Siberia as a space of “spiritual hunger”. In their perception of Siberia, representatives of clergy differ little from the secular intellectuals.

However, priests and missionaries are inclined to comprehend their ministry in Siberia in the religious aspect and to consider it as Providence. In this context negative evaluation and motives are counterbalanced by the positive program of not only survival, but also productive spiritual ministry in Sibe-

ria. This program is traced in the majority of the considered memoirs and epistolary sources, and its essence is the missionary apostolic ministry directed both on spiritual and cultural transformation and sacralization of the surrounding space and the people inhabiting it, and on one's own spiritual revival.

References

1. Speranskiy, M.M. (1871) Pis'ma M.M. Speranskogo k A.A. Stolypinu [Letters of M.M. Speransky to A.A. Stolypin]. *Russkiy Arkhiv*. 3. Columns 431–484.
2. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of poetics of literature of Siberia in the 19th – early 20th centuries: Features of formation and development of the regional literary tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Romodanovskaya, E.K. (2002) Epistolyarnoe nasledie sibirskikh arkhieerev XVII veka [Epistolary heritage of Siberian bishops of the 17th century]. In: Romodanovskaya, E.K. *Sibir' i literatura. XVII vek* [Siberia and literature. The 17th century]. Novosibirsk: Nauka.
4. Romodanovskaya, E.K. & Zhuravel', O.D. (eds) (2001) *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieereyskogo doma XVII veka* [Literary Monuments of Tobolsk bishop's house of the 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Leshchinskiy, Filofey (R.B.). (1877) Pis'mo byvshego tobol'skogo mitropolita Filofeya Leshchinskogo (v skhimonakhakh Fedora) k Feofanu Prokopovichu s pros'boyu o pozvolenii vyekhat' iz Sibiri na obeshchanie v Kiev-Pecherskuyu Lavru [Letter from the former Metropolitan of Tobolsk Philotheus Leszczynski (Schemamonk Fedor) to Feofan Prokopovich asking for permission to go from Siberia to the promise to Kiev Pechersk Lavra]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. pp. 545–547.
6. Veniamin (Blagonravov, V.A.). (1916) *Perepiska Vysokopreosvyashchenneyshego Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo s Ober-prokurorom Sv. Sinoda K.P. Pobedonostseym* [Correspondence of His Eminence Benjamin, Archbishop of Irkutsk, with Procurator of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev]. Irkutsk: Irkutskoe bratstvo vo imya svyatitelya Innokentiya.
7. Nevostruev, K. (1872) Vypiska iz pervogo pis'ma Dionisiya ot 6 sent. 1868 g. iz Yakutsk [Extract from the first letter of Dionysius of 6 September 1868 from Yakutsk]. In: Nevostruev K. *Nechto ob arhipastyrskom puteshestvii preosvyashchennogo Dionisiya, episkopa Yakutskogo iz Yakutsk v Nizhnekolymsk v 1868–69 gg.* [On the archpastoral journey of Reverend Dionysius, Bishop of Yakutsk, from Yakutsk to Nizhnekolymsk in 1868–69]. *Dushepoleznoe chtenie*. III. pp. 93–100.
8. Dionisiy (Khitrov, D.V.). (1900) *Avtobiograficheskie zapiski preosv. Dionisiya, episkopa Ufimskogo i Menzelinskogo* [Autobiographical notes of Rev. Dionysius, bishop of Ufa and Menzelinsk]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti*. 4. pp. 95–105; 5. pp. 140–149; 6. pp. 176–183; 7. pp. 218–226.
9. Nil (Isakovich). (1874) *Putevye zapiski preosvyashchennogo arkhiepiskopa Nila* [Travel notes of Archbishop Neil]. In 2 pts. Yaroslavl: Tipografiya Gubernskoy zemskoy upravly.
10. Ivanovskiy, S. (1890) *Zapiski missionera Altayskoy dukhovnoy missii, Kebezenskogo otdeleniya, svyashchennika Sergiya Ivanovskogo za 1889 god* [Notes of the missionary of the Altai spiritual mission, Kebezensk department, priest Sergey Ivanovsky of 1889]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 16–28; 12. pp. 1–16.
11. Azadovskiy, M.K. (1947) *Poetika "giblogo mesta": (iz istorii sibirskogo peyzazha v russkoy literature)* [Poetics of the "waste place" (the history of the Siberian landscape in Russian literature)]. In: Azadovskiy, M.K. *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri* [Essays on Literature and Culture in Siberia]. V. 1. Irkutsk: OGIZ.
12. Tyupa, V.I. (2002) Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury [Mythologeme "Siberia": on the "Siberian text" of Russian literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 27–35.
13. Gudkova, E.F. (2007) *Khronotop Sibiri v russkoy klassicheskoy literature XVII–XIX vv.* [Chronotope of Siberia in the Russian classical literature of the 17th–19th centuries]. [Online]. Available from: <http://guuu7.narod.ru/HS.htm>. (Accessed: 10th March 2014).
14. Monk Parfeniy (Ageev). (2009) *Avtobiografiya monakha Parfeniya (byvshego v Moldavii raskol'nika, zatem postrizhenika russkogo Panteleimona monastyrnya na Afone)* [Autobiography of monk Parthenius (formerly Moldavia schismatic, then consecrated monk of the Russian Panteleimon Monastery on Mount Athos)]. Moscow: Indrik.

15. Monk Parfeniy (Ageev). (2008) *Stranstviya po Afonu i Svyatoy Zemle* [Wanderings in Athos and the Holy Land]. Moscow: Indrik.
16. Argentov, A.I. (1857) Putevye zapiski svyashchennika missionera A. Argentova v pripolyarnoy mestnosti [Travel notes of missionary priest A. Argentov in circumpolar areas]. In: *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Issledovaniya i materialy* [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society. Research and Materials]. V. 4. Pt. 1. St. Petersburg. pp. 1–59.
17. Zhuravel', O.D. (2001) Zhitie Simeona Verkhoturuskogo. Rannaya redaktsiya [Life of Simeon Verkhoturusk. Early edition]. In: Romodanovskaya, E.K. & Zhuravel', O.D. (eds) *Literaturnye pamyatniki Tobol'skogo arkhieyreyskogo doma XVII veka* [Literary Monuments of Tobolsk bishop's house of the 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
18. Zhuravel', O.D. (2000) Zhitie Simeona Verkhoturuskogo (k izucheniyu literaturnogo tvorchestva Ignatiya Rimskogo-Korsakova) [Life of Simeon Verkhoturusk (the study of literary works of I. Rimsky-Korsakov)]. In: Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Istochniki po russkoy istorii i literature: srednevekov'e i novoe vremya* [Sources of Russian history and literature: Middle Ages and modern times]. Novosibirsk: SB RAS.
19. Pivovarov, B. (1997) Istoriya missionerskoy deyatel'nosti Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi i sovremennost' [The history of the missionary activity of the Russian Orthodox Church and modernity]. *Missionerskoe obozrenie*. 1(15). pp. 20–23.
20. Veniamin (Blagonravov, V.A.). (1913) *Avtobiografiya vysokopreosvyashchennogo Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo* [The Autobiography of His Eminence Benjamin, the Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk]. Irkutsk: Irkut. tsentr. Bratstvo.
21. Irkutsk Committee of the Orthodox Missionary Society. (1883) *Trudy pravoslavnykh missiy Vostochnoy Sibiri. Izdanie Irkutskogo komiteta pravoslavnogo missionerskogo obshchestva* [Proceedings of the Orthodox Mission in East Siberia. The publication of the Irkutsk Committee of the Orthodox Missionary Society]. V. 1. (1862–1867). Irkutsk.
22. Veniamin (Blagonravov, V.A.). (1913) *Pis'ma Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo k Kazanskomu arkhiepiskopu Vladimiru (1862–1889 gg.)* [Letters of Benjamin, Archbishop of Irkutsk, to Kazan Archbishop Vladimir (1862–1889)]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities of the Moscow University.